

005 04

25 DEC 2001

На правах рукописи

Каракулов Дмитрий Владимирович

Голод 1921-1922 гг. на Урале

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2000

Работа выполнена в Уральском государственном педагогическом университете на кафедре истории России

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Корнилов Г.Е.

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор
Берсенов В.Л.;
кандидат исторических наук, доцент
Трифонов А.Н.

Ведущая организация: Уральский государственный экономический университет.

Защита состоится «28» декабря 2000 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д.003.87.01 в Институте истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук по адресу: 620219, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории и археологии УрО РАН.

Автореферат разослан «27» ноября 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. ист. наук

Е.Т.Артемов

T3/2/713 - 209.29 Трап, 02
T3/2P36/713, 02

УОЗ(2) 713.00-945,0
УОЗ(2P36)713.00-945,1

Общая характеристика работы

Актуальность темы. С древнейших времен человечеству было знакомо страшное слово – голод. Он сопровождал человечество во все века его истории. Голод возникал от неурожая, вызванных засухой, наводнениями или заморозками. С развитием государственности голод перестал быть результатом только продовольственного кризиса, постепенно набирали силу социальные факторы, такие как тяжелые войны и смуты, которые приводили к разорению хозяйств и обнищанию населения, перенаселенность определенной территории. Голод был только верхушкой айсберга зрительно более серьезных и глубинных кризисов, кульминацией серии социальных, политических, экономических и демографических кризисов. Обстоятельства, которые приводили к голоду, накапливались довольно медленно, после года или нескольких лет, отмеченных сложностями в продовольственном обеспечении.

Обращение к теме голода 1921-1922 годов продолжает историографическую традицию изучения одной из ключевых проблем отечественной историографии – истории российского крестьянства. Оно способствует формированию более целостного представления о роли и месте этой важнейшей социальной группы населения страны на различных этапах ее исторического развития.

Изучение процессов, приведших ряд регионов страны, в том числе и уральский, к голодной катастрофе 1921-1922 годов, позволяет понять опасность проведения политики, основанной на преувеличении значения групповых интересов – классовых или партийных над общенациональными проблемами, каким и явились реальное отставание России от ведущих держав и запущенность ее сельского хозяйства. Эта проблема не теряет своей актуальности и сегодня, когда превалирование корпоративных интересов олигархических групп приводит нередко к игнорированию общественных интересов, определяющих будущее России.

Объектам исследования являются процессы, происходившие после гражданской войны на Урале, аграрная и продовольственная сфера и политика Советской власти на Урале.

Предметам исследования определен голод 1921-1922 гг. на Урале, факторы его возникновения, масштабы проявления и последствия.

Хронологические рамки исследования: 1921-1922 годы определяются временем самого описываемого события. Засуха 1921г. привела разоренную предшествующими войнами и революциями страну к голоду, который достиг пика в 1922 г. и привел страну к общегосударственной катастрофе.

Территориальные рамки исследования включают Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Оренбургской, Уфимской губернии и Башкирской республики по административно-территориальному делению того времени. Это был аграрно-промышленный регион страны. Население Уральских губерний составляли в основной массе крестьяне.

Степень изученности проблемы. Проблема изучения голода 1921-1922 гг. остается одной из дискуссионных в отечественной историографии. С 1920-х гг. в ней выделяются три основных точки зрения: большевистская, антибольшевистская и научно-объективистская.

В общей оценке значения голодной катастрофы в России мы видим у историков большие расхождения. Одни историки (главным образом в “русском зарубежье”) придавали катаклизму очень большое значение, как фактору, будто бы способствовавшему

развитию советского тоталитарного строя или даже определенному образованию этого типа политического режима (Д.О.Линский)¹. Другие историки (в основном советские) сводили причины катастрофы в основном к последствиям войны и засухи (Ю.А. Поляков, Е.М. Хенкин). В советский период наибольшей поддержкой пользовалась мысль об активной политике РКП (б) и государственных органов в борьбе с голодом начала 20-х годов, чем идея о его влиянии на политические процессы в стране.

Почти сразу Советское правительство попыталось объяснить голод погодными условиями. Лидеры и идеологи партии большевиков (такие как Л.Д. Троцкий, К.Б. Радек, Е.И. Ярославский) всю ответственность за голод возлагали на империалистическую войну, происки буржуазии в городе и кулаков в деревне, якобы использовавших голод для дискредитации законной власти. Их лейтмотивом было утверждение, "что русский голод – стихийное бедствие, которое нельзя было ни предвидеть, ни предупредить"².

Более взвешенную позицию занимали историки и экономисты-аграрники 20-х годов, обработавшие громадный материал сельскохозяйственных переписей и статистических обследований. В книгах и статьях С.М. Дубровского, Б.Н. Книповича, Н.Д. Кондратьева, А.И. Хрящевой, С.Г. Струмпина, П.А. Месецева, П.И. Попова, Г.С. Гордеева и многих других авторов дана картина развития сельскохозяйственного производства, социальных процессов в годы Первой мировой и гражданской войн, в начале восстановительного периода³. Авторы впервые поставили вопрос о кризисе сельскохозяйственного производства, попытались вскрыть его причины и влияние на экономическое развитие страны. Сам по себе неурожай, по их мнению, не мог стать первостепенной причиной голодной катастрофы, так как такое падение урожайности России переживала и ранее без серьезных последствий. Голод был следствием отсталости сельскохозяйственного производства, усугубленной такими последствиями первой мировой и гражданской войн как сокращение площади посева и численности рабочих рук, а также связан с ошибками в проведении продовольственной политики Советского государства. Так, Н.Д. Кондратьев считал, что голод 1918 года был результатом непродуманной продовольственной и земельной политики Советской власти⁴.

Споры о причинах катастрофы велись в историографии не только в двадцатые годы, но и позднее. В 50-е годы в США вышло исследование профессора С.Н. Прокоповича, который в июле – августе 1921 г. был одним из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим. Он провел глубокий анализ причин голода 1921г. в России, указав на то, что коммунистическая партия, согласно своим социально-классовым целям, преследовала зажиточных крестьян. По Прокоповичу особенно тяжелые последствия эта политика преследования зажиточных крестьян и изъятия всех продовольственных запасов имела на территории, периодически страдающей от засухи.

¹ Линский Д.О. Голод. София, 1921 г.

² Ярославский Е.И. Почему у нас в России голод. Б.м. 1921. С.10.

³ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М., 1925; Дубровский С.М. Очерки русской революции. М., 1923. Вып. 1. Сельское хозяйство; Книпович В.Н. Очерки народного комиссариата земледелия за три года (1917-1920). М., 1920; Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; Попов П.И. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республиках. М., 1921; Он же. Сельское хозяйство Союза республик. М., 1924; Хрящева А.И. Крестьянское хозяйство в войне и революции. М., 1921; Она же. Статистика посевов и определение степени ее достоверности. М., 1923.

⁴ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 302

Согда на этой территории урожаем 1920 г. был изъят "под метелку", а 1921 г. оказался засушливым и неурожайным, наступил голод. Таким образом, единственная причина олода 1921г., по его мнению, - это продовольственная политика большевнков. Все остальные факторы, приведшие к катастрофе, автором не рассматривались¹.

В 50-е годы появляются первые наиболее объективные труды о голоде 1921г., принадлежавшие перу отечественных историков. Опубликованные монографии и статьи содержали общий обзор истории борьбы с голодом². Значительно углубил вопрос О.А. Поляков. Едва ли не первым он, хотя и опосредованно, признал определенную причастность к случившемуся Советского государства и правящей партии. Ю.А. Поляков отмечал, что сокращение посевов было вызвано проводимой разверсткой³. В специально посвященной голоду 1921 г. книге он конкретизировал отрицательное воздействие засухи, обратив внимание на то, что особо пострадавшими были районы, где, как правило, шли военные действия. Иными словами, заключал он, дело не в засухе, как таковой, а в том, что крестьянские хозяйства, пострадавшие от боевых действий, ее пережить уже не смогли⁴.

В основной своей массе советские историки пытались свести причины катастрофы к отсталости сельского хозяйства, последствиям войны и засухи. Продовольственная политика Советского государства в период гражданской войны, имевшая следствием натурализацию сельского хозяйства, признавалась единственно верной. Примером такого подхода к проблеме голода 1921г. служит монография Е.М. Хенкина⁵.

В последнее время появились исследования, которые заметно отличаются от исследований советского периода. Тема голода 20-х годов наша освещение в статье М.Геллера «О голоде, хлебе и советской власти», приложенной к английской публикации бюллетеня «Помощь». Автор пишет: «В перечне многочисленных причин (официально признанных Советской властью) страшного голода не было лишь одной: политика советской власти с первого же дня ее рождения. Отсталость русского сельского хозяйства была фактом, однако же Россия до Первой мировой войны являлась одним из крупнейших в мире экспортёров зерна. Война — сначала с Германией, потом гражданская, — тянувшаяся 7 лет, нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству. 1920, а в особенности 1921 г. были засушливыми. Однако важнейшей причиной катастрофы была политика партии, захватившей власть в октябре 1917 г.»⁶.

С ним соглашается В.В. Кабанов, считая, что продразверстка окончательно подорвала производительные силы крестьянского хозяйства и сельскохозяйственного производства, отняла у крестьянина право на продукт собственного труда и тем самым разорила крестьянина. Последовавший затем в 1921 г. голод был вызван не только и не столько неурожаем, сколько последствиями продразверстки⁷.

¹ Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. I. Нью-Йорк, 1952.

² Генцова Э. Переход Советского государства к НЭПу (1921 - 1922 гг.). М., 1954; СССР в период восстановления народного хозяйства (1921 - 1925). М., 1955; Аграрная политика Советской власти (1917 - 1919). М., 1934; и др.

³ Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967.

⁴ Поляков Ю.А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975.

⁵ Хенкин Е.М. Очерки борьбы советского государства с голодом. Красноярск, 1988.

⁶ Геллер М. О голоде, хлебе и советской власти // Помощь: Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим (1921, № 1-3). Лондон, 1991. С.1.

⁷ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. Он же. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1991. № 2. С. 39-45.

В 1997 г. появилось исследование А.М. Кристлиана. В работе сделана попытка на основе нового подхода к изучению отечественной истории и на всем комплексе источников, ставших ныне доступными. Автор попытался уяснить подлинные причины и масштабы голодной катастрофы в Поволжье¹.

В 1980-90-е годы сложилась представительная и крупная школа аграрных исследований – крестьяноведение. Аграрная проблематика заняла видное место в работах посвященных революции и гражданской войне. Крестьянству и аграрной истории посвящены конференции, симпозиумы и семинары. Среди них выделяются сессии Все российского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Свердловск, 1992г. Арзамас, 1996г.; Тамбов, 1998г.; Вологда, 2000 г.), международная конференция «Мен тагитет и аграрное развитие России», региональные конференции «Летопись уральских деревень» (Екатеринбург, 1995 г.), «Каменный пояс на пороге III тысячелетия» (Екатеринбург, 1997 г.) на которых заслушивались доклады о голодовках в России. Опубликованные работы В.П. Данилова, Т.Шанина дают возможность по-иному рассматривать аграрную историю России первой четверти XX века. Постоянные аграрные перестройки, по мнению В.П. Данилова, были основным средством модернизации и ускорения социально-экономического развития страны, они определили характер аграрной эволюции России. С 1902г. по 1922г. в России происходит крестьянская революция. Все другие политические и социальные революции в России совершались на ее фоне. Крестьянская революция заставила отказаться от продразверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни. Земельный кодекс РСФСР (декабрь 1922г.) закрепил итоги осуществления самой крестьянством аграрной революции².

В уральской историографии к проблеме подошли более упрощенно. Так, М.Машин (1959 г.) представлял события 1921г. «тягчайшим «посмертным даром» свергнутого царизма», якобы возникшим «на базе предшествовавших голодных годов XX века». Он же считал, что вину за голод следует возложить на белые армии, которые несколько раз в 1918—1919 гг. прошли по Южному Уралу, и при этом они «уничтожили урожай на корню». Но самым все же распространенным вариантом стало объяснение, что голод разразился из-за неурожая, а он, в свою очередь из-за «небывалой», «невиданной» засухи³. В итоге только это положение и было зафиксировано в изданиях ставших своеобразным образцом для прочих региональных исследований. Речь идет об Очерках истории областных партийных организаций. Там сказано четко и безвариантно — причина всего — неурожай 1920 и 1921 гг.⁴.

Но некоторые историки, такие как Н.В. Ефременков, Р.П. Толмачева пришли к выводу, что причинами кризиса сельскохозяйственного производства на Урале, а затем и голода кроме засухи, отсталости сельского хозяйства, последствий Первой мировой и гражданской войн стали завышенные суммы продразверсток, а также неоперативность местных органов власти, с запозданием оценивавшими размеры бедствия. По мнению авторов, положение значительно ухудшилось из-за неудачно спланированных продраз-

¹ Кристлиан А.М. Голод 1921 года в Поволжье: опыт современного изучения проблемы / Автореферат дисс... канд. истор. наук. М., 1997.

² Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.319; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С.5-6.

³ Машин М.Д. Борьба с голодом в 1921-1922 годах на Южном Урале // Из истории революционного движения и социалистического строительства на Южном Урале. Челябинск, 1959. С. 100-124

⁴ Очерки коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974.

ерстох 1919/1920 и 1920/1921 годов, которые не соответствовали действительному остожно крестьянских хозяйств. В результате их выполнения были отданы не только лишки продовольствия, но и часть семенного материала и необходимых продуктов питания, что привело к дальнейшему сокращению посевных площадей и валовых сборов зерновых культур¹.

В работах уральских историков основное внимание уделялось исследованию роли партийных организаций Урала в восстановлении народного хозяйства в 1921-1925 г., затрагивались проблемы подъема сельского хозяйства, государственной и общественной помощи крестьянству после гражданской войны. Продовольственной и аграрной политике Советской власти на Урале после гражданской войны посвящены исследования Л.Л. Ниренбурга, В.П. Гурова, А.Т. Тертышного², они ввели в научный оборот юльное количество архивных документов.

Большой интерес представляет работа Л.И. Фурторжского «Партийная организация Оренбургской губернии в годы иностранной интервенции и гражданской войны»³, де автором были отмечены тяжелейшие условия, в которых оказалось Оренбуржье. Приведены цифровые сведения, характеризующие сложность обстановки того времени. В другой своей работе «Продовольственная и аграрная политика двух властей (1917-1920)»⁴ Л.И. Фурторжский рассмотрел изменения продовольственной и аграрной политики за период гражданской войны, что, по его мнению, наложило отпечаток на дальнейшее развитие аграрных отношений в крае.

Новые подходы в изучении проблемы появились в последнее время в уральской историографии. Исследователи В.Боже и И. Непеин на материалах Челябинской губернии сделали вывод, что одной из главных причин голода была политика РКП(б) в отношении деревни⁵. Исследовав материалы по Курганскому уезду, М. Тайболина выде-

Ефремаков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917-1930 годах // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Вып. 1. Свердловск, 1966 С. 3-82; Толмачева Р.П. Борьба с голодом в Екатеринбургской губернии в 1921-1922 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Вып. 1. Свердловск, 1966. С. 201-209.

¹ Ниренбург Л.Л. Из истории деятельности рабочих продовольственных отрядов на Урале // Из истории партийных организаций Урала. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 146-153.; Он же, Пожиданова Т.В. Историография вопроса о перераспределении земельного фонда на Урале в результате Октябрьской революции // Историография истории Урала переходного периода 1917-1937. Свердловск, 1985. С. 47-62; Гуров В.П. Экономическое и политическое положение уральской деревни накануне перехода к НЭП // Наш край. Свердловск, 1971. С. 115-123; Гуров В.П. Уральская деревня после разгрома колчаковщины // Партийное руководство революционной борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала. 1918-1920: Межвуз. сб. науч. тр. - Свердловск, 1982. С. 61-77; Метельский Н.Н. Деревня Урала в условиях «военного коммунизма». Свердловск, 1991; Тертышный А.Т. Хозяйственная политика партии и советского государства в деревне 1919-1920 гг. // Партийное руководство революционной борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала. 1918-1920: Межвуз. сб. науч. тр. - Свердловск, 1982. С. 136-154.

² Фурторжский Л.И. Партийная организация Оренбургской губернии в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Оренбург, 1968.

³ Фурторжский Л.И. Продовольственная и аграрная политика двух властей. (1917-1920). Оренбург, 1996.

⁴ Боже В., Непеин И. Жатва смерти: голод в Челябинской губернии в 1921-1922 гг. Челябинск, 1994; Игорь Непеин. Незнаемый голод: Невостробавские документы // Отечество. Краеведческий альманах. - М., 1994. С.227 - 244.

лила еще одну причину голода, это – хозяйственный урон, нанесенный в ходе крестьянских выступлений 1920-1921 гг. и их подавления¹.

В 90-е гг. появился ряд новых работ, посвященных процессам, происходившим в сельском хозяйстве Урала после революции 1917 г. В диссертации и статьях В.Л. Телицына сделана попытка рассмотреть крестьянское хозяйство в основных его организационных и производственных аспектах, выявить особенности производственных отношений, демографические изменения и передвижки в социальной структуре, влияние государства и методы воздействия на хозяйство².

Новизной отличается исследование оренбургского историка Д.А. Сафонова «Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал», в котором он рассматривает политику советской власти в деревне и связывает ее с последующим ростом напряженности в деревне, которые выливались в вооруженные восстания крестьян против советской власти. Одним из факторов напряженности он называет голод. Среди причин голода он выделяет последствия Первой мировой и гражданской войн, отсталость сельского хозяйства и неурожай 1920-1921 гг. Роковым толчком голоду стала продразверстка. Кроме того у автора складывается мнение, что голод 1921–1922 гг. был использован для борьбы с крестьянскими восстаниями – повстанцы в голодающих губерниях не могли получать продовольственную и иную помощь от местного населения³.

Тем не менее следует отметить недостаточность изучения всех аспектов темы. На уральском материале обобщающих работ нет.

Источниковая база, составившая основу исследования темы, обширна. Для систематизации выявленных источников мы используем традиционные квалификационные схемы и выделим опубликованные и неопубликованные источники.

К категории опубликованных источников относятся многие виды документов, в том числе сборники законов и нормативных актов, регулировавшие сельскохозяйственное производство, имущественные отношения. Другую массовую группу публикации составляют статистические сборники и справочники. В них достаточно широко представлена сводная статистика сельскохозяйственного производства, потребления по территориям губерний. Анализ сводной статистики позволил выделить основные сквозные показатели: площади посевов, структуру посевных площадей, количество скота по видам и др. Работая со сводными показателями, приходилось уточнять и перепроверять данные, так как расхождение в архивных и опубликованных показателях достаточно часто встречается, что связано с различиями в методиках учета и расчета, ошибками в расчетах и другими причинами.⁴

Неопубликованные архивные источники по теме отобраны для исследования в центральных – Российский государственный архив социально-политической истории (бывший Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории

¹ Тайболина М.Н. «Не так захваченные природной стихией» (Голод 1921-1922 гг. в Курганском уезде Челябинской губернии). // Земли Курганская: прошлое и настоящее. Красноведческий сборник. Вып. 5. Курган, 1993. С. 98-103.

² Телицын В.Л. Крестьянское хозяйство Урала в условиях военного коммунизма. Автореф. дис. М., 1993; Он же. К вопросу о рынке, продразверстке и военном коммунизме // Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996.

³ Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999.

⁴ Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург, 1923; Статистический сборник за 1923 г. / Пермское губернское статистическое бюро. Охажск, 1923; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920-1923 гг. Челябинск, 1923; Уральский статистический ежегодник 1923/24 г. Свердловск, 1925; и др.

(далее РГАСПИ), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив экономики (РГЭ) и местных архивах: Государственный архив новейшей истории общественно-политических движений Пермской области (ГАНИ-ЭПДПО), Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Государственный архив Пермской области (ГАПО), Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАООРБ), Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ-ОО), Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО), Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ).

Изучая материалы центральных властных структур, мы получили информацию о основных мероприятиях в области продовольственной политики, ее результатах. Документы местных органов – губернских и уездных – позволили охарактеризовать конкретные условия, проблемы и сложности регионального развития и варианты их разрешения.

В центральных архивах среди документов высших органов власти выявлены и изучены инструкции, распоряжения и приказы, записки, телеграммы и телефонограммы, они дополняли законодательные акты и носили обязательный для исполнения характер. Значение данного вида документов возрастает в кризисные периоды, особенно в условиях революции и войны. К данному виду можно отнести Инструкцию ВЦИК по организации на местах комиссий помощи голодающим (1921 г.); Инструкцию ЦК Помощи при ВЦИК об организации постоянной помощи голодающим (1921 г.); Положение о местных комиссиях помощи голодающим (1921 г.) и др.

В условиях революционного катаклизма и гражданской войны, углубления экономического кризиса возросла роль местных органов власти. В местных архивах отложились докладные записки, информационные письма, протоколы и другие делопроизводственные документы. Они позволяют исследовать конкретные ситуации по вопросам продовольственного обеспечения на местах, проанализировать проблемы аграрного производства и потребления, организацию помощи голодающим.

Большой комплекс документов посвящен проблеме голода 1921-1922 гг. – это телеграммы, письма, докладные записки уездных и губернских комитетов, в которых с нарастающей интенсивностью излагаются факты затруднений с продовольствием, недостаток семенного материала, невозможность выискания продналога. Ряд документов посвящен созданию и деятельности местных комиссий помощи голодающим и мероприятиям по борьбе с голодом, особенно много внимания уделяется вопросам помощи беженцам из голодных мест, эвакуации детей в более благополучные районы, организации столовых и сбору пожертвований. Данные документы интересны не только фактами, характеризующими масштабы голода, но и разработкой определенных мер взаимозаимости, которые должны были помочь населению пережить трудное время.

В целом комплекс выявленных опубликованных и неопубликованных источников позволяет решить поставленные задачи исследования.

Основной методологии исследования стала диалектико-материалистическая методология исторического познания, позволяющая наиболее объективно рассматривать причины и масштабы голодной катастрофы, методы борьбы с ней, ее последствия. Использовались также такие методы познания как проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, метод системного анализа. Теоретической основой исследования

являлись труды виднейших ученых – аграрников и социологов таких как В.П.Данилов, Н.Д.Кондратьев, П.А.Сорокин, А.В. Чайнов, Т.Шанин¹. П.Сорокин – одним из первых раскрыл природу голода, выявил его формы и наиболее фундаментально рассмотрел влияние голода на поведение людей, социальную организацию и жизнь общества и показал роль голода как двигателя толкающего как отдельного человека, так и целое общество на определенные действия, приводящие в движение механизм общественной жизни и придающие этому движению определенные направления и формы.

Целью исследования является изучение истории самого крупного голода 1921-1922 гг. в Уральском регионе. В соответствии с целью в диссертации решаются следующие задачи:

- выявить основные факторы, приведшие к голоду 1921-1922 гг. в регионе;
- исследовать масштабы и проявление голода на различных территориях Урала;
- изучить формы и методы борьбы с голодом, показать их значимость и эффективность в помощи голодающему населению;
- проанализировать влияние голода на экономическое развитие уральской деревни, ее социальную и демографическую структуру, на векторы государственной политики.

Изучение и введение в научный оборот архивных документов, а также постановка проблемы истории голода начала 1920-х годов на материалах Уральского региона осуществляется впервые. *Научная новизна* исследования заключается и в том, что впервые на уральском материале предпринята попытка целостного анализа голодной катастрофы 1921-1922 гг. Исследованы факторы, приведшие к массовым голодовкам населения региона, показаны последствия голода, проявившиеся во всех сферах жизни уральской деревни.

Апробация и использование практических результатов. По теме исследования опубликовано 7 работ (объемом 2,2 п.л.). В 1997-2000 гг. основные положения диссертации были заслушаны и обсуждены на всероссийских и региональных научных конференциях: «Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры» (Екатеринбург, 1998), «Вторые Татищевские чтения» (Екатеринбург, 1999), «Третьи уральские историко-педагогические чтения» (Екатеринбург, 1999), «Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетий. Четвертые историко-педагогические чтения» (Екатеринбург, 2000), «Урал индустриальный» (Екатеринбург, 1999). Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в курсах лекций по отечественной истории, по истории Урала в вузах и общеобразовательных учреждениях.

Диссертация обсуждалась на кафедре истории России Уральского государственного педагогического университета. Она одобрена и рекомендована к защите.

Структура и основное содержание диссертации

Работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения, списка литературы и использованных источников.

¹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; Сорокин П.А. Голод как фактор. Петроград. 1922; и др.

Во введении обосновывается актуальность темы, выбор территориальных и хронологических рамок исследования, проанализирована степень изученности проблемы, дается обзор основных источников, определяются цели и задачи исследования.

Первая глава диссертации – «Причины и масштабы голода 1921-1922 годов на Урале» - посвящена анализу состояния аграрной сферы и продовольственной политике Советской власти на Урале в период 1919-1922 гг., выявлению различных факторов, приведших к голодной катастрофе, изучению особенностей ее проявления в уральском регионе.

В главе рассматривается продовольственный кризис, наступивший в России и на Урале, в частности, к февралю 1917 года, из-за сокращения сельскохозяйственного производства, вследствие оттока из деревни трудовых ресурсов: к 1917 году в армии находилось 15,8 млн. трудоспособных мужчин (28% всего трудоспособного населения), ослабивших и без того отсталое сельское хозяйство, из-за переориентации промышленного производства на военные нужды, сократилось производство сельскохозяйственных машин. Валовая продукция сельского хозяйства в 1917 г. была ниже уровня 1913 г. на 12%, а стремительно разваливающийся транспортная система была не в состоянии обеспечить перевозку продовольствия даже с учетом сокращения ее объемов.

Кризис нормального снабжения продовольствием в условиях Первой мировой войны принимал характер национального бедствия. Поэтому правительство вынуждено было все больше переходить от использования свободного рынка к государственному регулированию. Оно пошло на введение твердых цен в 1915 г. на продукты питания и вплотную подошло к организации продовольственной разверстки в конце 1916 г., но это не решило проблему. Введенная Временным правительством хлебная монополия не была осуществлена. К осени 1917 г. продовольственный кризис охватил целый ряд регионов России. Голод стал реальным и все более значимым фактором развития событий в стране в целом.

Взяв в свои руки государственную власть, большевики в целом не поменяли направление и основы продовольственной политики, а логически их продолжили, но крестьяне считали производство и продажу хлеба своим частным делом и поэтому боюлись против хлебной монополии, заключавшейся в запрещении частной торговли хлебом и обязательной сдаче излишков государству за обесцененные бумажные деньги, в строгом учете распределения ее под контролем властных структур.

В этой ситуации хлебная монополия с неизбежностью перерастала в продовольственную диктатуру. В мае 1918 г. была проведена полная централизация продовольственного дела с предоставлением чрезвычайных полномочий Народному комиссариату продовольствия, был объявлен «крестовый поход» городских рабочих в деревню для проведения хлебных заготовок. Декрет от 14 мая 1918 г. обязывал каждого владельца хлеба «весь избыток, сверх количества необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленные нормы до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок...», а представители Наркомпрода могли «применять вооруженную силу в случае оказания противодействия сбираемому хлеба»¹.

11 января 1919 г. Совнарком РСФСР принял декрет «О разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями»². Хлеб и фураж должны были отчуждаться у населения по

¹ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 265, 266

² Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 292-294.

твердым ценам. Хозяйству оставался минимум зерна: по 12 пуд. зерна и 1 пуду круп на едока, семена на посев и фураж по нормам района¹ (для сравнения укажем, что среднегодовое потребление зерна в России накануне мировой войны составило 14,8 пуда)². Все остальное считалось излишками и подлежало изъятию. Продразверстка должна была распространяться только на хозяйства, имевшие излишки. Бедняцкие и середняцкие дворы с посевом 3-4 дес. на семью в 6 человек от нее освобождались³. У хозяев, не сдававших хлеб к установленному сроку, он отбирался безвозмездно в принудительном порядке.

Крестьянство выражало острое недовольство политикой продразверстки. Жалобы на чрезмерность разверстки в большом количестве поступали в местные советские и партийные органы, в Наркомзем, М.И.Калинину и В.И.Ленину. О тяжести разверстки сообщали сельские коммунисты и даже продовольственные работники. Коммунист И.К.Пенеров из Белебеевского уезда Уфимской губернии писал В.И.Ленину 20 февраля 1921 г.: «... хлеб отбирается под метелку... Крестьяне спрашивают, куда ведет ваша партия и почему обманывает: говорили, что будут отбирать излишки, а теперь отбирают не только излишки хлеба, но и в некоторых случаях даже и весь несчастный скарб... мне очень жаль завоеванную такими трудностями свободу – которая при такой политике может погнать»⁴. Недовольство крестьян тяжестью разверстки постепенно перерастало в недовольство против разверстки вообще и в недовольство Советской властью.

Коренной перелом в системе хозяйствования деревни, активное внедрение административно-планового начала в жизнь единоличника, разверстка, повинности, запрещение свободной торговли вызывали резкое противодействие крестьянства. Классовое сопротивление деревни выражалось в дезертирстве с трудового фронта и из воинских частей, в сокрытии посевов и саботаже поставок сельскохозяйственной продукции, в недосевах полей и сокращении посевов до потребительских норм, в нарушении государственной монополии торговли, недовольство крестьян системой военного коммунизма. Начиная с лета 1918 г. и до конца 1921 г. Урал и сопредельные территории оказались охвачены массовым крестьянским движением. Также как и в других районах РСФСР на Урале оно было вызвано недовольством крестьян продовольственной политикой Советской власти. Насильственные методы осуществления продразверстки и различных натуральных повинностей, принудительная мобилизация в Красную Армию стали главными причинами прокатившихся в 1919-1921 гг. на территории региона крестьянских восстаний. Только по Оренбургской, Челябинской, Уфимской губерниях и в Башкирской республике было зафиксировано 224 восстания⁵. Главными лозунгами повстанцев были: «Долой продразверстку, коммунистов-насильников, реквизиции, войну! Да здравствует вольная торговля!»⁶.

Не утикли крестьянские волнения и в начале 1921 г. В феврале 1921 г. началось одно из мощных антикоммунистических восстаний российского крестьянства, получившее различные названия в историографии – «Ишимское восстание», «Западно-

¹ ЦГИА РБ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.

² Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 95.

³ История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986. С. 112.

⁴ Цит. по: Полков Ю.А. Переход к н/пу и советское правительство. С. 196.

⁵ Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855 – 1922 г. Хроника и историография. Оренбург, 1998. С.292.

⁶ ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305. Лл. 6, 7, 97, 98.

Сибирское восстание», «Урало-Сибирское восстание» и др. Оно охватило ряд уездов Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Тюменской губерний. Активные действия продолжались до лета 1921 г., отдельные очаги волнений вплоть до глубокой осени 1921 г.¹

Урал был одной из главных продовольственных баз страны и поэтому испытал на себе всю тяжесть продразверстки. Крестьянство стало основным налогоплательщиком (изъятия составляли до 45% к доходу крестьянских хозяйств). Крестьяне лишились материальной заинтересованности в результатах своего труда, стимулов к расширению производства. В связи с этим они сокращали свои посевы, стремясь обеспечить лишь собственные потребности, почти не делая запасов на черный день. Как показала выборочная перепись 1919 г., недосев имел место главным образом в хозяйствах, лучше других обеспеченных рабочей силой².

После окончания гражданской войны на жителей Урала обрушилось еще более страшное бедствие — голод. В зону голода попал практически весь Урал. Наступление голода не было совершенно неожиданно, рассматривать его как результат лишь засухи и недородов нельзя. Трагедия 1921—1922 гг. была вызвана не каким-то одним фактором, а целым комплексом таковых.

Природный фактор, несомненно, имел место. Но трудно назвать засуху неожиданностью — Урал — зона рискованного земледелия. Все заявления о «невиданной» засухе 1921 г. не подкреплены цифрами — никто не проводил и не мог провести статистического исследования урожайности, выгоревших посевных площадей и т.п. Все, что известно точно — это то, что всю весну и все лето 1921 г. не было дождей, вследствие чего от жары в 40—45° погибла большая часть крестьянских посевов, имели место случаи появления саранчи. Специалисты-аграрии относят засуху 1921 г. к так называемым точечным засухам. Признаки таковой обнаружались еще поздней осенью — засухе 1921 г. предшествовала осенняя засуха 1920 г.³

Значительно большее влияние оказал фактор социальный. Повлияла мировая война, откачавшая из села работоспособное население. Повлияла и гражданская — притеснение разоренные в села, ранее бывшие в глубоком тылу, а кроме того, все воюющие стороны самообеспечивались необходимым за счет деревни.

Субъективным фактором можно считать сокращение посевов. Этот процесс начался еще в годы первой мировой, из-за призыва крестьян в действующую армию, а затем продолжался и далее, гражданская война никак не стимулировала земледельцев расширять свои посевы. Не могли не сказаться и такие моменты, как общая разруха страны и, как следствие — обнищание деревни. Уральская деревня была и так в неуверенном, шатком состоянии и достаточно было сильного толчка, чтобы все рухнуло. Толчком и была введенная коммунистами продразверстка. Из всего комплекса мероприятий («военного коммунизма»), затрагивавших деревню, продразверстка занимала первое место. В итоге все работы в деревне сводятся к одному — сбору продовольствия.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С.215.

ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 16. Л. 77.

Колесняков Л.Д. Особенности земледелия на Южном Урале (прошлое, настоящее, будущее). Челябинск, 1992. С.66.

Разверстка оказалась фактором, усугубившим уже действующие негативные тенденции в аграрной сфере. Продразверстки выполнялись любой ценой. В 1919—1920 гг. заготовки хлеба и зернового фуража составили на Урале примерно 40,3 млн пуд. т.е. 1/5 всех заготовок зерна и зернофуража по стране, а в 1920—1921 гг.—44,6 млн пуд. Важную роль в заготовке хлеба сыграли рабочие продовольственные отряды, они выгребли из уральской деревни более 4,3 млн пуд. мяса, 239 тыс. пуд. животного масла много других продуктов¹. Силой отбирали весь урожай, не оставляя зерно даже на семена. По данным Я.Л.Ниренбурга, Урал одним из первых в стране выполнил задание по продразверстке. В Шадринском уезде в продразверстку 1920-1921 г. было взято 45% собранного зерна, в Камышловском и Ирбитском — 34%. В результате значительная часть крестьян осталась без семян и продовольственных запасов.

В 1920 г. разверстка была распространена почти на все виды продовольствия Уфимский губком РКП(б) писал о существовании 42-х видов разверстки. В Челябинской губернии их было 23². Разверстка подталкивала крестьян сужать хозяйство, отчет последнее становилось все слабее. И первый же природный катаклизм — в данном случае засуха — поставил массу крестьян на грань гибели.

Неурожай 1921 года привел к тому, что разверстка легла тяжелым грузом на уральское крестьянство. Если к продовольственной разверстке добавить 4-х фунтовый помольный сбор отправки семян в центр, 5%-й фонд бедноты, известные контрибуции то получится, что изъятие зерна с валового сбора хлебов фактически составило в Челябинской губернии — 61%, в Уфимской губернии — 37,7%, в Екатеринбургской — 34,2% и в Пермской — 19,5%. Вполне усматривается взаимосвязь масштабов в изъятии зерна и территориальным размещением голода 1921-1922 гг. на Урале.

Голод на Урале стал ощущаться уже с осени 1921 г., но полная катастрофа наступила в 1922 году. Практически полностью были уничтожены все запасы зерна, в том числе и семена, население перешло на питание исключительно суррогатами, в том числе порой совершенно непригодными в пищу.

Употребление «чистого хлеба» сельским населением Челябинской губернии сократилось в наиболее голодный период — ноябрь 1921 г. по июнь 1922 г в 3 раза, «незначительной примесью» — в 4,1 раза, «с примесью в 1/3» — в 8,8 раза, «с примесью 1/2» — в 2,5 раза. Удельный вес в потреблении «суррогатного хлеба» (то есть хлеба примесью превышающими 3/4) вырос в 2,7 раза. Отсутствие хлеба в питании сельского населения выросло в 4 раза. Конечно в приведенных данных не определены ингредиенты добавок, но по другим источникам их можно выяснить³.

Данные свидетельствуют, что к осени 1921 г. на Среднем Урале началось сокращение потребления продуктов питания, при уменьшения приходится на весну — лет 1922 г. Потребление в пищу зерна к октябрю 1921 г. сократилось на 29,6%, в февраль 1922 г. практически осталось на прежнем уровне, только к октябрю 1922 г. наметился рост по сравнению с февралем 1922 г. на 83,2%. Потребление картофеля крестьянам показывает рост от февраля к октябрю 1921 г. на 61,5%, а от октября 1921 г. к февралю

¹ Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. 1. М., 1922. С. 7—8; Статистический ежегодник 1921 г. М., 1923. Вып. 2. С. 226.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д. 710. Л. 53об.; РГАЭ. Ф. 1943. Оп.2. Д.504. Л.20.

³ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.657. Л.13.

22 г. – падение на 37,6% и это падение не сократилось, а увеличилось к октябрю 1922 и составило 66,9%¹.

Запасов продовольствия практически ни у кого не оставалось. В справке, пред-
авленной в январе 1922 г. из Илецкого района в Оренбургский губкомголод, приво-
дится целый список эрзацев, употребляемых в пищу крестьянами: «1) куски сушеной
жир, приготовленные следующим образом, берется сырая кожа, рвется на части, па-
рится на огне, после чего волосы очищаются, т.е. соскабливаются ножами, моется и
потребляется в пищу; 2) из кожи, приготовленной таким же порядком и сваренной на
небольшую часть с водой после долгого кипячения таковое сливается, кожа же перерубается
на мелкие части и приготавливается жидкое холодное; 3) семена шиповника в неприго-
товленном виде; 4) семена белены и стебли ее, как шиповник, так и белена сушатся и
премальваются на муку, смешиваются, пекутся лепешки; 5) кровь в вареном виде; 6)
жир жареная; 7) лепешки с кровью и мукой белой и мукой шиповника; 8) хлеб из муки,
режженных костей и перемолотых корней гусятника; 9) мука белены и шиповника
Когда же Илецкий ревком сообщал в губисполком, что «питание кошками и собаками
обычно вошло в обычай и население уже к этому относится как к обычному явлению»³.

Чекисты Башпреспублики сообщали, что «в пищу употребляются трупы, дере-
я, навоз, кости»⁴. Еще в декабре 1921 г. Шарлыкская райкомиссия сообщала в Орен-
бургский губкомголод о местных ценах на такие «продукты питания» - кошки стоили
1-18 тыс., собаки - по 100 тыс. руб.⁵ В том же отчете указывалось, что в районе не
успевают рыть могилы - приходится зарывать умерших в снег. По сведениям Илецкого
ревкома в районе трупы «у дорог ставят как вешки, изображая просящего милостыню с
ютянцовой ручкой»⁶.

Число голодающих росло с каждым днем. Если в Пермской губернии в октябре
1921 г. голодало 154 тыс. человек, то в декабре уже 316315 человек, а мае число голо-
дающих достигло 430080, т.е. 24% всего населения губернии. В первой половине фев-
реля 1922 г. в Оренбургской губернии голодало около 570 тыс. чел., в мае число голо-
дающих составило 89%. В Челябинской губернии в марте 1922 г. голодало 709618 чел.,
мае их было уже 885065 (66%). В апреле 1922 г. в Екатеринбургской губернии голо-
дало 652896 человек, что составляло более 50% населения губернии, к июлю число го-
лодающих возросло до 795319 человек. Голодающих в Башпреспублике было в мае 1922
92%.⁷

В результате тысячи людей бежали из пораженных районов бедствием районов.
увеличивался число нищих, бродяг, возросла детская беспризорность. Голод сопровож-
дался вспышками эпидемий. По данным Башнаркомздрава по Уфимской губернии и
шпреспублике число заболевших сыпным тифом в 1922г. составило 18821 человек (в

¹ Уральский статистический ежегодник. 1923-1924 гг. Свердловск, 1925. С.325.

ГАОО. Ф.2414. Оп.1. Д.106. Лл.2-2 об.

ГАОО. Ф.1319. Оп.1. Д.34. Л4.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т.
И.М.,1998.С.627.

ГАОО. Ф.54. Оп.1. Д.147. Л17.

ГАОО. Ф.1319. Оп.1. Д.34. Л2 об.

ГАРФ. Ф.1058. Оп. 1. Д.634. Л21; Д.578. Л 21; ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.657. Л11; ГАСО. Ф.7.
Л1. Д. 114. Л8; ШТИАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 657. Л11; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-
СВД. Т.1. М., 1998. С.627.

3,5 раза больше, чем в 1921г.), возвратным тифом – 36636 чел. (в 2,6 раза), брюшной тифом – 11588 чел. (в 1,4 раза), дизентерией – 18609 чел. в 1921г., 18305 чел. в 1922г. (2,4 раза больше, чем в 1920г.), вспыхнул эпидемия холеры (22 тыс. чел.), резко возросла заболеваемость корью, скарлатиной, дифтерией, маларией, цингой.¹ Убыль населения по Уральскому региону составила в 1922г., по нашим расчетам, 15% по сравнению с 1920г.

Динамика голода показывает медленное нарастание числа голодавших с лет 1921 г. с определенным ускорением в январе 1922 г. и достижением максимально катастрофических размеров в мае-июне 1922 г. Сопоставление динамики чередования пиков разверстки и продналога и последующих по времени пиков числа голодающих свидетельствует о том, что именно политика изъятия продовольствия у крестьян явилась первопричиной голода. Изъятие в качестве продналога большого количества продуктов причем сразу, с использованием насилия наталкивалось на сопротивление крестьян. результате возникла проблема катастрофического убывания изымаемых продуктов. Продналог распространился и на ту часть продуктов, которые шли на семена и на питание. Это и породило медленно и неуклонно нарастающий голод, отступивший только июле-августе 1922 г. благодаря новому урожаю.

Во второй главе диссертации - «Борьба с голодом 1921-1922 годов» - речь идет об участии различных государственных органов, прежде всего Центральной комиссии голодающим (ЦК Помгол), созданной при ВЦИК, ее местных органов, российских общественных и зарубежных организаций в деле помощи голодающим, изучаются формы и методы борьбы с голодом, показана их значимость и эффективность в помощи голодающему населению. В главе делается попытка проанализировать влияние голода и экономическое развитие уральской деревни, ее социальную и демографическую структуру, на векторы государственной политики.

18 июня 1921 г., по инициативе С.Н. Прокоповича, Московское общество сельского хозяйства организовало свой VII съезд, который должен был оценить масштабы голодной катастрофы и меры борьбы с ней. 22 июня 1921 г. Прокопович предложил организовать Всероссийский общественный комитет помощи голодающим (ВКПГ).

Оказавшись в безвыходном положении, советское правительство согласилось на его деятельность, 21 июля председатель ВЦИК М.Калинин подписал «Декрет Всероссийского Центрального Комитета о Всероссийском Комитете помощи голодающим и «Положение о Всероссийском Комитете помощи голодающим»².

Создание комитета, как независимого от Советского правительства общественного органа, вызвало одобрение во всем мире, было воспринято как признак отхода большевиков от тотального контроля над всей жизнью России. Уже в июле 1921 г. Москва получила предложения помощи одновременно от Лиги Наций и от Американской администрации помощи. После этого существование ВКПГ для властей представляло нецелесообразным и даже вредным, он был ликвидирован 27 августа 1921г. Гибель ВКПГ была очередным поражением русской общественности: большевики использовали ее искреннее желание помочь голодающим в целях спасения своей власти. Суще-

¹ РГАСТИ.Ф.78. Оп.1.Д.74.Л.6, 6об., 7.

² Известия. 1921. 23 июня.

ование – всего лишь пятидневное – Комитета было одновременно победой общест-венности. Ее призыв был услышан миром. Запад пришел на помощь голодающей Со-ветской республике.

Для координации действий по борьбе с голодом была создана 18 июля 1921 г. Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) при ВЦИК под председа-тельством М.И. Калинина. ЦКПомгол имел своей основной целью организовать победу над голодом, спасти сельское хозяйство от окончательного разорения, а трудящиеся массы – от голодной смерти.¹ На местах были образованы губернские комиссии помо-щи голодающим (губпомголы). Созданы также уездные, волостные, сельские комиссии помощи голодающим.

На губернские, уездные и волостные комиссии помгол возлагалась задача ока-зания помощи пострадавшим, обеспечение засева полей, сохранение живого и мертвого инвентаря, улучшение быта детей, организация общественных работ, сбор пожертвова-ний и т.д. Кроме того, на фабриках, заводах, транспорте, строительстве, в советских учреждениях и общественных организациях имелись добровольные комиссии помощи голодающим. Работа этих сотен и тысяч комиссий помгол объединялась и направлялась ЦК Помгол.

Средства Комиссии помощи голодающим получали: а) из семенных, продо-вольственных и денежных средств, предоставляемых Центральной Комиссией в поряд-ке государственной помощи и пожертвований, б) из внутригубернских налогов и отчислений продуктов товарных и денежных, в) из всякого рода пожертвований. Особое внимание Комиссии помощи голодающим обращали на использование всех местных продовольственных, семенных и товарных ресурсов. На основании анализа выявленных документов в диссертации прослеживается как ЦК Помгол выносил решение о призна-нии отдельных местностей или неурожайных, или голодающими.

Первая продовольственная помощь наиболее пострадавшим крестьянам была оказана из местных ресурсов путем перемещения продуктов внутри пострадавших от асухи районов.

Государственная помощь осуществлялась, главным образом, через организацию общественного питания, а также выдачи продовольствия непосредственно населению в виде сухого пайка (детям: муки 11,25 ф., крупы 6 ф., взрослым: муки 5,625 ф., крупы 2 ф.). В Челябинской, как и в большинстве пострадавших губерний, пункты обществен-ного питания начали функционировать с октября 1921 г. и просуществовали вплоть до нятия нового урожая 1922 г. Количество этих пунктов и питающихся в них беспре-рывно увеличивалось. В октябре 1921 по июнь 1922 г. в Челябинской губернии число столовых возросло с 7 до 399, а количество обслуживаемых 3900 человек, главным об-разом, детей; в декабре столовых было 67, а обслуживаемых детей – 29403 человек; в январе 1922 г. – 190 столовых обслуживали население: взрослых – 45313 и детей – 4506 человек; в феврале в 290 столовых питались только детей – 63504 человека. В пределе функционировало 374 столовых, в июне – 399 с охватом 318598 человек².

Кроме продовольственной помощи советское государство оказало голодающему населению денежную помощь. Так, в июле 1921 г. это помощь выразилась в 61650 млн. рублей, а на 1 января 1922 г. она равнялась 980365 млн. рублей³.

СУ РСФСР. 1921. № 55. Ст.342.

ОГАЧО. Ф. 380. Оп.1. Д. 18. Лл. 19,23.

Размер голода и борьба с ним. М., 1921. С. 4.

Рабочие и служащие на своих собраниях принимали решения о денежном и натуральном отчислении в фонд помощи голодающим. В благополучных по урожаю сельских местностях сбор пожертвований хлебом и другим продовольствием производился через комитеты крестьянской взаимопомощи. К работе комитетов взаимопомощи были привлечены органы народного образования, литпросветы, женотделы, а также комсомольские ячейки. На собраниях и сходах в деревнях и селах принимались решения о мобилизации всех сил и средств на борьбу с голодом.

Уральские губернии были не в состоянии преодолеть стихийное бедствие только своими силами. Необходима была серьезная помощь со стороны государства, населения благополучных районов страны.

В целях организации систематической помощи к пострадавшим от неурожая районам были прикреплены благополучные в урожайном отношении губернии. Так, Челябинская губерния была прикреплена к Сибири (Новониколаевской и Семипалатинской губерниям), Уфимская губерния к Сибири и Курской губернии, Оренбургская губерния к Московской губернии, Башкирская республика к Туркестану, Смоленской и Петроградской губерниям. Пермская, Екатеринбургская губернии, имевшие уезды, пострадавшие от неурожая, оказывали помощь голодающим своей губернии сами.

Обобщенных данных о продовольственной помощи региону нет. Встречаются лишь отдельные факты. Так, к концу сентября 1921 г. пришла помощь из Туркестана Оренбург было привезено 264 пуда ржи, 305 вагонов зерна для озимого посева пшеницы, тысяча пудов риса. Х. Сайранов писал, что в период 1 — 10 ноября 1921 г. в 18 голодающих губерний было направлено 160 вагонов с продовольствием. Из них Оренбургская получила 12 вагонов, Челябинская - 5 вагонов, Уфимская - 16, Малая Башкирия - 21. 50 тысяч пудов было направлено в ноябре 1921 г. в распоряжение Оренбургского земотдела из Рязанской губернии. В течении 1921 и 1922 гг. в порядке государственной помощи в Башкирию было ввезено около 4,5 млн. пудов хлебопродуктов, почти 5,4 млн. пудов семян, сельхозорудия, медикаменты. 24 апреля 1922 г. трудящимися Москвы было направлено в Оренбург - 4 вагона пшеницы, 2825 пудов ржи, 527 пудов сорного зерна и «другого продовольствия».¹

Однако эта большая помощь оказывалась недостаточной. Население края продолжало вымирать. В феврале 1922 г. были отмечены первые факты людоедства и спекуляции человеческим мясом². Очевидец тех событий врач Л.М.Василевский отмечал, что «башкирское население переживает такие муки голода, перед которыми бледнее все ужасы Поволжья»³. Он писал: «В кантонах очень часты случаи потребления человеческого мяса. Доведенные до одичания голодные люди режут своих детей и едят. Едят трупы умерших от голода»⁴. В апреле 1922 г. правительство Башкирской республики было вынуждено принять специальное постановление «О людоедстве», направленное на защиту населения, особенно детей, от посягательств людей, ставших на фоне голо-

¹ Крылов В.В. Борьба за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.) // Годы борьбы. Из истории Оренбургской областной партийной организации 1905-1925. Вып. 1. Оренбург, 1959. С. 119; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 280; Оренбург. Челябинск, 1993. С. 174; Сайранов Х. С. Указ. соч. С. 93; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. М., 1998. С. 531.

² ЦГИА РБ. Ф. 933. Оп. 1. Д. 74. Л. 15.

³ Жуткая летопись голода (Самоубийства и антропофагия): Очерк врача Л.М.Василевского. Уфа, 1922. С. 16.

⁴ Жуткая летопись голода (Самоубийства и антропофагия): Очерк врача Л.М.Василевского. Уфа, 1922. С. 17.

сическими ненормальными, на пресечение торговли человеческим мясом)¹. В конце 1922 года общее число голодающих только в Башкирской республике и Уфимской губернии достигло 2 млн. человек².

Главная задача местных органов власти пострадавших губерний, состояла в изыскании внутренних средств и мобилизации их на борьбу с голодом. Специальные ударные дни, недели, воскресники, субботники имели огромное значение, как в деле вовлечения широких масс во всенародную борьбу с голодом, так и в удовлетворение хотя бы минимальных потребностей голодающих. Но этого было недостаточно, ибо масштабы бедствия были настолько грандиозны, что требовали более радикальных и новых форм помощи. Необходимо было организовать такую помощь, которая гарантировала бы заселению голодающих губерний систематическую доставку продовольствия.

Большая помощь голодающим была оказана организацией общественных работ, которые имели огромное значение, как в обеспечении голодающих заработком, так и в предупреждении стихийных бедствий путем введения в крестьянские хозяйства земельных улучшений.

Одной из мер борьбы с голодом было изъятие церковных и монастырских ценностей и обращение их в дело помощи голодающим.

На основе декрета ВЦИК РСФСР (март 1922 г.) в Челябинской губернии для изъятия церковных ценностей было создана комиссия. Комиссия собрала и отправила следующее количество ценностей: чистого серебра 93 пуда, 3 фунта, 70 золотников, 55 л.; серебряных денег на сумму 324 руб. 50 коп.; медных денег 3 пуда, 17 фунтов; имень бриллиантовых – 28 штук; жемчугов – 77 штук; алмазов – 63 штуки; бирюзы – 1 тука; золота – 14 золотников, 93 дол.; евангелией с серебряными крышками вес (брутто) – 12 пуд. 6 фун. 12 золотников³.

Разоренное молодое государство не могло побороть голод своими силами. На помощь российской общественности и Советского правительства о помощи откликнулись граждане других стран.

23 июля 1921 г. Герберт Гувер, министр торговли США и одновременно глава крупнейшей в мире частной филантропической организации АРА, откликнулся на призыв Горького и предложил помощь, он поставил условие: освобождение всех американцев арестованных ВЧК, гарантии, что работники АРА будут пользоваться полной свободой передвижения в советской республике, смогут свободно выбирать русских трудящихся для распределения продовольствия и полный иммунитет от советских властей. Американцы выступали против «политизации» помощи.

27 августа 1921 г. от имени международной организации помощи соглашения о помощи голодающим подписал Фриц оф Нансен. Однако знаменитый полярный путешественник еще до подписания соглашения совершил серьезную «политическую» ошибку: назначил в число сотрудников своей организации члена ВКПГ.

Сравнительно точное представление о размерах помощи можно обнаружить в публикациях 1921 – 22 гг. В публикациях, подводившей некоторые итоги голодного года, приводились следующие цифры: на АРА падало 83% всего ввозимого продовольствия, вторым шел Нансен, ввезенное им количество грузов составляет 13,7%, остальные 6% падают на Межрабпомгол и прочие организации. Если принять число питавшихся

ЦПА РБ. Ф. 933. Оп. 1. Д. 132. Л. 303.

Ичет III-му Всебашкирскому съезду Советов. Июль 1921 года – ноябрь 1922 года. Уфа, 1922.

1.

ИГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 18. Лл. 48-50.

от АРА (она кормила 9550 тыс. человек) за 100%, то питание остальных зарубежных организаций составляет соответственно: Нансен – 5,1%, международный союз помощи детям – 3,1%, квакеры – 3%, шведский Красный Крест – 1,2%, Межрабпомгол – 1% т.д.¹

На территории Урала действовали такие зарубежные организации, как Американская администрация помощи (АРА), Французский Красный Крест, Харбинский комитет Красного Креста, Международный Рабочий Комитет помощи голодающим (Межрабпомгол). Деятельность АРА охватывала все губернии Урала. Французский Красный Крест работал в основном в Екатеринбургской губернии, Харбинский комитет – в Башкирии, Межрабпомгол – в Пермской губернии.

АРА развернула на Урале широкую деятельность. Она открывала приюты для сирот, столовые, в большом количестве доставлялось продовольствие, медикаменты, одежда и обувь. Были созданы по 2 продовольственных маршрута в Уфу и Оренбург. Оренбургской губернии за период с ноября 1921 г. по середину февраля 1922 г. был охвачен питанием 150 тыс. детей в 962 столовых. Туда поступило 1520 пудов медикаментов. В Уфимской губернии АРА было развернуто 73500 пайков. На 6 марта в губернии было 511 столовых для 71120 человек. Распределено 329 пудов медикаментов. В мае 1922 г. АРА начала свою работу Екатеринбургской губернии. В Екатеринбургском, Каменском, Красноуфимском уездах действовало 418 питательных пунктов, которых питалось 62 тысячи детей и 72 тысячи взрослых. Ежемесячная стоимость, поступившего с мая по сентябрь 1922 г., продовольствия составляла 94 млн. 987 тыс. рублей в ценах 1922 г.²

Однако руководство Советской России не допустило увеличения помощи АРА в дальнейшем. Деятельность АРА во многом не нравилась Советской власти, так как она не придерживалась принципа классового распределения помощи голодающим, набирала себе сотрудников, исходя из их профессиональных качеств, а не их классового происхождения. Местные власти устами чекистов отреагировали соответственно подобным действиям АРА якобы «дискредитируют в глазах населения Советскую власть и коммунистов»³. Действительно, на фоне АРА мероприятия Советского правительства выглядят значительно бледнее. Например, в Башкирии советские органы, при нормальных условиях в год на человека, могли прокормить 200 тыс. человек, тогда как АРА могла их кормить более 1,5 млн. человек.⁴

Помощь государственных, российских и зарубежных общественных организаций позволила смягчить голод и создать необходимые условия для дальнейшего восстановления и развития сельского хозяйства. Конечно, сразу ликвидировать последствия голода не удалось. Нужна была не только продовольственная помощь, но и помощь по скорейшему восстановлению сельского хозяйства Урала.

Важнейшим мероприятием центральных и местных партийных организаций в борьбе с голодом было обсеменение тех полей, которые в связи с неурожаем могли остаться незасеянными. Необходимо было помочь крестьянам неурожайных губерний засеять свои охваченные поля. Правительство в своих постановлениях по борьбе с голодом

¹ После голода. 1922. № 1. С. 31.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.1. М., 1998. С. 598, 620.

³ Уральский рабочий. 1923. 18 мая.

⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.1. М., 1998. С. 620.

⁵ ГАРФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 616. Л. 13.

требовало от всех местных партийных и советских органов сосредоточить внимание подготовке озимой кампании.

Засев полей урожайных и тем более неурожайных районов являлся мерой чрезвычайно важной, как с политической, так и экономической точки зрения. Во-первых, ти не обсеменить Поволжье, Южный Урал и другие неурожайные места, то крестьяне вывели бы выхода из создавшегося положения и покинули бы голодные места, усугубив тем самым в еще большей мере разруху своих хозяйств. Во-вторых, обсеменить ля нужно было для того, чтобы на будущий 1922 г., не было голода.

На Урале организация посевкомов началась уже во второй половине января 21г. Выборы в них прошли при активном участии партийных ячеек и всех деревенских коммунистов, которые, руководствуясь письмом ЦК РКП(б) «Об организации полевой кампании», развернули в деревне широкое массово-разъяснительную работу.

Большую помощь семенным материалам оказывало крестьянству Урала советское государство, выделявшее семенную посуду, достаточную для засева примерно 40% севных площадей края². Однако, несмотря на все принятые меры, семенного материала не доставало.

Местные органы власти, стремясь в короткий срок восстановить сельское хозяйство, прилагали большие усилия для внедрения в практику сельскохозяйственного производства элементарных приемов агротехники. С этой же целью на Урале были организованы различные сельскохозяйственные курсы, началась подготовка специалистов в едних и высших учебных заведениях. Тенденция на модернизацию аграрной сферы ала, проявлявшаяся с начала XX века, давала о себе знать. В уездах и волостях продились агрономические конференции, в селах и деревнях – чтения и беседы по эментарной агротехнике. При незначительном числе большевистских ячеек в уральской ревне коммунистам было необходимо усилить свое влияние среди крестьянства, пому они воспользовались распространением агротехнических знаний в деревне.

Огромная работа по организации посевных кампаний, прделанная местными ганами и серьезная помощь со стороны государства совпали с желанием крестьян братья из нужды, совместные усилия позволили добиться некоторых успехов. Но и пришли не сразу, а стали заметными лишь в самом конце 1922 г.

Благодаря проведенным мероприятиям по оказанию помощи крестьянскому ийству, сельское хозяйство Урала стало выходить из полосы разрухи. Полное восстановление сельского хозяйства Урал началось только при действительном обеспечеии крестьянских хозяйств из их собственного урожая продовольствием, кормом для эта и запасом для расширения посевных площадей.

Поэтому переломными для Урала стали последние месяцы 1922 г. и особенно 23 г., когда были достигнуты заметные успехи в развитии сельского хозяйства и, ежде всего, в восстановлении посевных площадей. Кроме того, в сельскохозяйственном производстве Урала наметилась еще одна весьма обнадеживающая тенденция – ипичение площади посева, обеспеченной собственными семенами и уменьшение ошадн, засеваемой с помощью семян, получаемых в посуду от государства. В 1922 г. данными семенами было засеяно 28% всей площади, в 1923 – 20%, в 1924 – 14%, а в

правочник партработника. Вып. 2. М., 1922. С. 159.

Лотичкин В. А. Партийная организация Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства 21-1925 гг.) // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957. С. 85.

1925 г. Урал впервые обеспечил всю засеваемую площадь собственными семенами и не прибегал к семенной ссуде¹.

Голод 1921-1922 гг. оказал влияние на многие демографические и социально-экономические процессы в регионе. В 1921-1922 гг. происходит значительное увеличение смертности на фоне низкой рождаемости, в результате происходит значительная естественная убыль населения Урала. Если за 1911-1913 гг. общий коэффициент смертности составил 41,4 промилле, то в 1922 г. он возрос до 49,4 промилле. Уровень рождаемости составлявший в 1911-1913 г. 54,9⁰/₁₀₀ упал соответственно до 37,7⁰/₁₀₀². Таким образом, естественная убыль населения Урала только в 1922 г. составила 11,7 промилле³. Наиболее высокие потери произошли из-за оттока населения, величина отрицательного сальдо за 1920-1922 гг. превысила полмиллиона человек. В результате Урал испытал значительные людские потери. По нашим данным процент убыли населения Урала в 1922 г. по сравнению с 1920 г. составил примерно 15%. Таким образом, по нашим подсчетам в этот период население Урала примерно сократилось от 1 до 1,1 млн. человек⁴.

Изменяется динамика возрастной структуры населения Урала, если в 1920 г. дети от 0-15 лет составляли 46,3% то по переписи 1926 г. они составляли 41%, также сократилась группа пожилого населения (60 лет и старше) с 9 до 7% соответственно и увеличилась возрастная группа от 16 до 59 лет с 44,6 до 51,8%⁵. Все эти изменения напрямую связаны с голодом. Дети и старики были наиболее уязвимы перед голодом и соответствующим ему болезням.

Влияние голода на социально-экономические процессы было не менее пагубно. Голод усугубил кризис сельскохозяйственного производства, начавшегося на Урал с 1917 г. Тяжелым было состояние сельского хозяйства края – опустошенные поля, разоренные деревни и станицы, ужасающая нищета и общая разруха. Сельскохозяйственный кризис на Урале затянулся до 1923 г., в то время как целом по стране переломный год стал 1922 г. Причем падение производства по многим показателям на Урале было большим, чем по стране. Так, весной 1922 г. посевная площадь сократилась по РСФСР на 23%, а на Урале – на 66,5 %; валовые сборы зерна уменьшились соответственно до 28 и 37,5,⁶

В результате упадка сельскохозяйственного производства не только сократились посевные площади, но и коренным образом изменилась структура полевых посевов. Традиционно преобладавшие на Урале посевы пшеницы и овса были вытеснены 1921—1922 гг. посевами ржи и крупяных культур, что свидетельствовало об усилении эти годы потребительского характера хозяйства. Лишь с 1923 г. начинается качественное улучшение структуры полевых культур: растут посевы главной товарной культуры — пшеницы и основной фуражной культуры — овса. Вместе с тем расширившиеся период голода (1921—1922 гг.) и в первые послевоенные годы посевы второстепенны

¹ А. Воробьев. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926. С. 94; Материалы хозяйственного плана Урала на 1925/26 г. Свердловск, 1926. С. 57.

² Население Урала. XX в. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 8.

³ Там же. С. 31.

⁴ Подсчитано: ГАРФ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 574. Л. 12; Д. 578. Л. 17; Д. 616. Л. 23; Д. 634. Л. 23; Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 9; Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург, 1922. С. 20; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920-23 гг. Челябинск, 1923. С. 11.

⁵ Население Урала. XX в. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 84.

⁶ История народного хозяйства Урала. Свердловск, 1988. Ч.1. С.56.

родовольственных культур (проса, гречихи, гороха) с 1924 г. стали резко сокращаться, особенно посевы проса.¹

Голод ухудшил положение всех крестьянских слоев. Еще не окрепшие в результате многолетней войны производственные силы в сельском хозяйстве были сильно одорваны неурожаем. В голодный 1922 г. число беспосевных хозяйств повысилось до 2,2, а в 1923 г. понизилось до 5,95%². Возрастание числа бедняцких дворов в 1922 г. можно объяснить также влиянием голода на городское население. В поисках пропитания часть горожан переселялась в деревню, но засеять и обрабатывать землю им нечем не было семенного материала, пахотных орудий, лошадей. Эти семьи попадали в разряд бедняцких. Но в 1923 г. в связи с общим подъемом сельского хозяйства сокращается число беспосевных, увеличивается число середняков.

Почти исчезли зажиточные хозяйства, сеющие от 8 до 16 и выше дес. земли и имеющие свыше 5 голов рабочего и продуктивного скота. В 1916 г на Урале эта группа составляла 11,28%, в 1923— до 4,04%³. В 1924 г. зажиточная часть крестьянства возросла до 5,5%, а в 1925 г. до 6,7%⁴.

В заключении подводятся итоги исследования. Виновниками голодной катастрофы нельзя считать только большевиков, осуществлявших политику «военного коммунизма». Виновны были и царское правительство, консервировавшее вековую стабильность сельского хозяйства, и белые, не желавшие отказываться от планов сохранения помещичьих хозяйств, и, сами крестьяне, ликвидировавшие хлебозапасную систему 1917 г. Ослабленные годами бедствий и разорений крестьянские хозяйства не могли ртivityостоять засухе и неурожаю. Голод охвативший всю территорию Урала, привел к олее 1 млн. убыли населения региона, особенно интенсивным он был на Южном Урале — Оренбургской, Челябинской, Уфимской губерниях, Башкирской республике. Борьба с голодом велась как широкая государственная кампания. Существенную помощь олодающим оказали международные организации, в первую очередь АРА. Последствия голода проявились во всех сферах жизни региона — экономической, политической, социальной и демографической. По своим масштабам голод 1921-1922 гг. был самым трагичным в истории региона.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Продовольственная безопасность в XX веке: региональный аспект. Библиографический указатель. Екатеринбург, 1998. — 136 с. (в соавторстве; 8 п.л./1 а.л.)
2. Роль интеллигенции в оказании помощи населению Урала, пострадавшему от неурожая 1911 года // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1998. С.193-195.(0,1 а.л.)
3. Неурожай 1906 года и меры помощи пострадавшему сельскому населению Урала // Вторые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1999.-С.65-68.(0,1 а.л.)
4. Организация продовольственного дела в России в начале XX в. // Третьи историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С.74-76(0,1а.л.)

Там же. С.60.

Толмачева Р.А. Социальная дифференциация крестьянства в восстановительный период (1921-1925 гг.) // Вопросы истории Урала. Вып. 6. Свердловск, 1965. С. 137.

Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1926. С.302.

ГАСО. Ф. 239. Оп.419. Д.173..Л.173.

5. Голод в 1921-1922 годов в Екатеринбургской губернии // Урал индустриальный: Материалы докладов и сообщений регионально-практической конференции. Екатеринбург, 1999. С. 199-201. (0,2 а.л.)

6. Голод 1921 года в России: историко-географический анализ проблемы // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетий. Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 74-78. (0, а.л.)

7. Аграрная сфера Урала в условиях модернизации (первая четверть XX века) // Уральский исторический вестник. № 5-6. Екатеринбург, 2000. С. 381-412. (в соавторстве; 1,5 п.л./0,5 а.л.)

Подписано в печать 21.11.2000. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 1,4 Уч.-изд. л. 1,4 Тираж 100 экз. Заказ 302

Уральский государственный педагогический университет
620219 Екатеринбург, ГСП-135, просп. Космонавтов, 26